

Carinetta

Kris & Eric

and

or

and

Kris & Eric

Carinetta Kris & Eric

Kris & Eric

Kris & Eric Carinetta

Kris & Eric

Kris & Eric

16+

Kris & Eric

Carinetta
Kris & Eric

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Carinetta

Kris & Eric / Carinetta — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-97728-0

Мир. Глазами сверхчувствительного человека. Который видит музыку в цвете. Ощущает слова на вкус. С острым чувством справедливости. Замечает то, на что всем плевать. Гибнет в одиночестве. Каждый день дерётся до крови со всем миром. Думает, что это конец, и Тени из ночных кошмаров утащат за собой... Пока не встречает свою противоположность — психопата. Человека, не чувствующего боль. И он — псих, одержимый мелочами, — тоже видит четвёртое измерение... Дневник девочки-подростка, связавшейся с психопатом. Столкновение сверхчувствительности и социопатии. Синестезия. Одиночество, депрессия, боль. И цветные сны.

ISBN 978-5-532-97728-0

© Carinetta, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Сентябрь того года, когда мне уже 18	7
Сентябрь годом ранее. Полчаса жизни Кристины	8
Сентябрь. Мне 17	13
Апрель. Помехи...	16
Сентябрьское утро. Рань господня.	17
Кабинет литературы	19
Обрывки связи	21
Середина сентября. Перед уроком информатики	22
Город Гаражей. Жёлтые глаза	23
Автобус	24
Помехи	25
Кабинет информатики	26
Всё, что нужно знать за сегодня	27
Гимназия, второй этаж. За окнами дождь	28
Близ «Ниагары»	30
Скорей домой!	34
Первый октябрьский день	36
Воскресный сон	37
Снова мрак! Пустые тени от истины!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Carinetta Kris & Eric

Предисловие

«Мне очень больно. И очень одиноко.

Каждую секунду. Всю жизнь.

Иногда это чувство так близко и крепко подступает к горлу, что я иду на ощупь, держась за стены домов. Иногда оно чуть отпускает, делая шагочек назад. Но я всё равно потрохами чую его отравляющее дыхание...»

Твоя Крис. Которая так на тебя не похожа. И точно такая же, как ты.

...Пиши только тогда, когда не можешь не писать. Когда не знаешь, зачем, для кого. Когда руками сдавливаешь себе горло – и их прорывают крики с самого дна души. Когда заставляешь себя бросить, запрещаешь себе, бьёшь по рукам, держишься без этого наркотика несколько недель – и он будит тебя среди ночи, овладевает твоими пальцами, и они пишут сами, тебя не слушаясь. Потому что этот наркотик рождается в тебе самом: тяга к писательству.

Мне впервые захотелось прямо и без увёрток передать, ЧТО чувствует человек, который принимает всё слишком близко к себе. Как живёт человек без кожи, с оголёнными нервами, который пропитывается миром до мозга костей, которому всё не всё равно до дрожи в горле. Впервые мне захотелось рассказать о себе, потому что... сил нет молчать.

Эта книга – плевок всем, кто обвинял меня в бесчувственности и безответственности, кто клеймил меня пофигисткой и эгоисткой, а сам и половины моих чувств не испытывал. Это плевок лицемерам и кичливым «героям». Это оборотная сторона «толстой» кожи несносного засранца. Если вы видите его перед собой – то даже не подозреваете, какие причины могут в нём таиться.

Да. Здесь много меня. Кто-то может подумать, что всё преувеличено. Наоборот: в этой повести не описано и четверти чувств, что я испытываю. Здесь всё сильно упрощено, иначе станет совсем непонятно.

Я тоже вижу музыку в цветах и формах, только более запутанных, чем у Кристины (здесь я старалась подбирать цвета, близкие к обложкам саундтреков). Тоже пишу обеими руками. Ей в школе даётся информатика, мне давалась физика, у неё комната сиреневая, у меня была голубая. И у обеих есть стена, раскрашенная граффити. Она развешивает рисунки с комиксами о своей жизни – а я хранила их в специальном фотоальбоме. Я была совсем не такая женственная, зато у меня было куда больше друзей и вечеринок. Я тоже доказывала свою правоту всем и всюду, шла против тех, кто сильнее. Про меня говорили, что я могу послать любого, что могу вести за собой толпу. Только порой я лезла на рожон в битвах с более серьёзными врагами, чем у Кристины, – и не всегда и не сразу одерживала победу.

Она раскрасила джинсы шекспировскими героями, я же изображала тексты любимых песен.

Стаю диких собак я встречала по-настоящему. И описала её точь-в-точь. Пиксель-в-пиксель.

Ещё Кристина смелее меня. Я боялась признать свои ощущения, боролась с ними как могла. А она считает их частью своего достоинства, умница.

Когда весь мир нависает над тобой, как громадная волна, ты сопротивляешься, если хочешь жить. Только она не стесняется. И не стыдится быть чокнутой, в отличие от меня. И ещё она рыжая. Всегда мечтала.

У нас дико разные темпераменты, непохожие характеры и общая боль.

Но здесь воплощено не только желание высказать наконец свой мир, свою изнанку. Это лишь часть, бархатная наволочка. А в подушке хранится сон...

Представь, что твоя жизнь – яркая и концентрированная – вдруг становится второстепенной, далёкой и замутнённой. Потому что тебя с головой, к чертям накрыло цветным стеклянным куполом. И в нём творится другая жизнь. Ты смотришь кино.

Той зимой мне приснился сон. Яркий, раздирающий, жёлтый – он будто весь был пропитан сливовым ликёром. Сон о двух ярких душах. С тех пор несколько недель я смотрела фильм. Каждую секунду. Жила двумя жизнями одновременно – и настоящая была лишь побочным слоем. Каждый миг я видела реальный мир сквозь кино, сквозь то, чем жили эти двое – Крис и Эрик.

Я будто случайно запрыгнула в поезд на полном ходу, где в каждом вагоне царил карнавал, – и лишь успевала записывать.

Я курила сигареты, кодила код, ела еду, бухала с друзьями – и одновременно жила в соседней жизни, насквозь пропитанной ликёром. Ежесекундно я старалась запомнить всё, что бурлит в этом сладко-жёлтом котле, бежала со всех ног из курилки/кафе/бульвара к ближайшему блокноту – и лишь успевала записывать. По двести раз на день.

Я видела не 3D, а 6D. Без шуток. Два пространства сразу. В одном ЖИЛА, а в другом – дышала и лишь успевала записывать.

И вот спустя пару недель у меня было самое невероятное янтарное похмелье и 45 страниц в ворде из тезисов, говна и палок. набросков, стенограмм, рисунков... Несколько месяцев на то – чтобы построить из этого мир. Воссоздать жёлтый поезд.

Ещё несколько месяцев – чтобы вспомнить себя. И рассказать о том, о чём я кричу во снах с обрыва. Это и мой дневник тоже: здесь самые заветные подростковые мысли, мои лицейские годы. Синестезия, сверхчувствительность. Здесь есть даже целые страницы реального дневника – того, что пишешь в агонии на грани...

Психопата только не было в моей жизни. Он мне приснился. Всегда будоражило, что же у него в душе... Кристина рассказала мне. Такая непохожая. И точно такая же, как я.

Сентябрь того года, когда мне уже 18

Я всегда сама могла постоять за себя. И считала, что мне не нужен защитник, пока не встретила его.

Я еду в вагоне метро и узнаю его волосы – на парне, стоящем напротив. Его осанку – у рокера, прислонившегося к дверям. Его куртка только что промелькнула где-то сбоку – на хулигане, в спешке выбежавшем из вагона.

Я вижу его отражение в чёрном стекле. Он смотрит на меня. Он мерещится мне всюду. Сквозь десятки газет, кричащих «Жизнь продолжается!». Он всегда со мной.

Мой парень психопат, ясно? Он не знает ни пощады, ни сострадания. Со мной он лапочка, но никто никогда не узнает об этом. Я люблю его так, что нет сил. За меня он порвёт на части любого. За меня он убьёт и глазом не моргнув! Он просто больной и ничего не боится! Каждая девушка втайне мечтает о таком.

Постоять за себя может или псих, или тот, кому есть что защищать. Честь, достоинство, справедливость. Ранимую кожу. Если кто-то умеет себя защитить – значит, он этому учился, потому что без этого просто не выживет. Именно тем, кто умеет за себя постоять, нужнее всего защитник. Конченный псих.

Сегодня я возвращалась домой ночью по незнакомому району. На меня напало полдюжины пьяных подростков. Я почувала в горле дрожь, нащупала нож в кармане. И была готова драться. Умереть – но не отдавать самое ценное. Потому что для меня это больше смерти.

Но он появился за моей спиной – из ниоткуда. Я услышала позади себя его страшный, жуткий крик – и мой страх улетучился. Он разбил бутылку и бросился на подонков как ненормальный! Те разбежались. Мы остались вдвоём.

Он и есть ненормальный. Я всегда в безопасности! О, да! Это ни с чем не сравнимое чувство!..

Сентябрь годом ранее. Полчаса жизни Кристины

... // помехи. Обрывки голосов. Отколотые биты мыслей. Пойман получасовой отрывок чьей-то жизни, прибитый волновым ветром к окошку местного пространства // ...

...

...Сегодня я надена свои любимые вишнёвые туфли – из нежного-нежного велюра, с острыми носиками и на тонюсеньких каблучках. Стало быть, в гимназию поеду на автобусе – туфельки, конечно, гораздо удобнее прочих, но только даже в них я долго не выдержу! Ехать всего пару остановок, но если я пройду их пешком, то дальше придётся добираться на скорой. Я не собираюсь хромать в первый учебный день последнего учебного года! Диву даюсь, как некоторые девчонки могут сутки прыгать в деревянных шпильках – и не умереть от болевого шока?

Когда я надела свои любимые туфли впервые, мне пришлось полтора часа топтаться на вокзале, ожидая мою Алису, пока та мчала ко мне на электричке. Убранство станции было совершенно невыносимо: ничто не радовало и не цепляло глаз. Ни один узор из пыли, ни один рисунок на деревянных подлокотниках не был достоин того, чтобы разглядывать его битый час и воображать какую-нибудь историю! Так что я сдуру пошла гулять пешком по камням вдоль рельсов. За полчаса танцев на булыжниках мои ехидные туфельки так натёрли мне ноги, что из левой пятки начала сочиться кровь. Боль была столь режущей и нестерпимой, что кажется, кровь затопила даже мои глаза – в них всё сначала помутнело, а потом цвета вокруг резко стали кислотными. Трава мне показалась ярко-жёлтой, а лица прохожих – оранжевыми. Мне было так больно, что я уселась прямо на рельсы и выла целый час, но боль всё никак не унималась. Когда до мозга дошло наконец, что пластырь и анальгин с небес не упадут, а до аптеки я уж точно теперь не доковыляю – он пустился во все тяжкие и впрыснул мне в кровь такую лошадиную дозу каких-то гормонов, что я окосела за считанные минуты! Сначала растаяла боль, потом потяжелела и полегчала голова – все движения вокруг стали какими-то рваными... И спустя всего пару минут мне так ударило в голову, что я перестала плакать и начала смеяться как ненормальная! Без шуток – я вмазалась за счёт своих же пяток! Весело было за мной наблюдать ангелам с небес. Зато теперь туфельки и внутри бордовые – от крови. За это я люблю их ещё больше.

Так вот. Путь от моего дома к автобусной остановке тянется узкими тропами мимо старых гаражей, выкрашенных грязно-розовой краской с ярко-красными воротами. Как же я обожаю этот гаражный городок с его улочками – бесконечный, изгибающийся, как червь, розовый поезд с красными окнами! Местами облупившаяся краска напоминает мне раны и содранную кожу, обнажившую мясо из красного кирпича. Живое, помнящее всё, что с ним происходило! И даже сохранившее на себе целую летопись из тегов, оставленных множеством юных маркеров. Так целыми поколениями пишутся дневники улиц. Однажды на одних из ворот я нарисовала жёлтым мелом жёлтые глаза с густыми ресницами-щупальцами – получилось невероятно завораживающе, и хозяева их не стёрли! Хотя я ни разу не видела этих добрых людей, но спасибо им за то, что теперь в этом красно-розовом королевстве меня всегда встречает и провожает мой дорогой друг – чудище с янтарными глазами. Такими же, как и у меня. В общем, я в безопасности.

И сегодня на мне грязно-голубые джинсы с бежевыми потёртостями – они шикарно смотрятся на фоне розовых стен! Стоит признаться, когда я выбираю одежду, то всегда прикидываю – подойдёт ли она к моим гаражам? Или к моей сиренево-розовой комнате? Или к моей любимой кофейне с серым граффити? Ведь жизнь – это череда картин и натюрмортов. Не стоит все краски мешать в одной палитре – иначе выйдет размазня блевотного цвета. Что за жизнь тогда получится? Если я беру с собой свой ярко-синий рюкзак, то упаси меня бог заявиться с ним

на мой гаражный бал – и заляпать этим чернильным пятном всю малину! Таких художничков надо подвешивать к доске позора за пипки от беретов! Уж лучше я поеду на такси.

О моих джинсах стоит сказать ещё пару ласковых. Эти засранцы со мной заодно! Да я жизнь готова им доверить! У них такой стальной и дикий характер, что я чувствую, будто мои ноги окутывают крепкие железные латы. Не стоит перечить моим джинсам. Они держат меня каменными руками – и мой шаг в них становится твёрже. Если я пойду в разведку – то непременно в них! Они – мои соратники. Все мои вещи – мои верные друзья. Чужих и тупых подле себя не держу. Считаю это ниже моего достоинства – связываться с бездушными, бесхарактерными вещами.

Вот и последний вагон моего поезда-червя. За ним гаражи кончаются – и я выхожу на дорогу прямо к своей остановке. Как раз вовремя – туфельки начинают кусаться! Пора остановиться и полюбоваться напоследок моим идеальным миром.

Сегодня солнечно, в воздухе сентябрьская пыль – и он искрится тёплыми песочными блёстками. Остаток пути до остановки пойду по земле, в тени деревьев, чтобы подольше глядеть на свет. Потому что иначе солнце быстро обожжёт мне кожу, но прежде – доведёт до одурения! Я легко пьянею, если несколько минут постою под прямыми лучами! Но любясь на свет из-под вуали тени, я не пью залпом его золотое вино – а лишь вдыхаю спиртные пары от его водопада. Хотя мне и этого хватит, чтобы прибалдеть. Боже, какая роскошь вокруг! Пора включать плеер! Как мясо требует вина – это местечко стоит сдобрить крепким саундтреком! Мне нужна такая же ярко-красная музыка! Я знаю! Ramones «I'm Affected»! Когда я слышу этот трек, то одновременно «вижу», как кристально-красная вода капает у меня над головой и заляпывает всё окружающее пространство огромными красными и розовыми кляксами. Вот прогремел аккорд гитары – и алая капля бахнула на крышу соседнего дома! И так нота за нотой – песня застилает собой весь мир. Но самый густой и кровавый момент начнётся на первой минуте и сороковой секунде: сейчас он зальёт гранатовым вином всё вокруг! О. Вот и мой пустой автобус.

Мои гаражные джинсы совершенно не смотрятся с ярко-синей обивкой сидений! Я стараюсь – подбираю каждый мазок к моей картине мира, – а они берут и всё перечёркивают дурацкой синей ручкой! Какое испытание и мука, что я теперь не могу любоваться на свои ноги! Придётся пялиться в потолок. А ещё говорят, что я часто задираю нос и веду себя надменно. Нет, это просто люди любят где-то внизу копошиться в грязных делишках! И громко ругаться в отвратительных одеждах – а я не желаю на это смотреть! Фу. Всё равно из окна сейчас неплохой вид на тёплые трёхэтажные домишки, пока мы будем проезжать мимо частного сектора. Отлично! Значит, гляжу в окно. И пришло время для блестящей, золотистой музыки! Ставлю альбом Dusted «Total Dust» с самого начала!

Солнце. Автобус свернул за угол – и теперь оно шпарит прямо в моё окно. Что ж, «пьянка» неизбежна! Сегодня можно. Лучи искоса щекочут мою щеку. Они проникают под кожу всё глубже. Кажется, меня уже чуть штормит... Свет яростно греет мягкие ткани – почти царапает их своим шершавым языком! В глазах начинает рябить – и всё вокруг потихоньку «плывёт», искривляет углы... Вот уже начали появляться новые цвета в салоне автобуса. Класс! Сиденья покрылись бронзовыми пятнами! Реакции замедляются... Тепло побежало по ногам. Ещё чуть-чуть! Во-о-от он! Этот холодок в затылке! И тут же следом за ним – в спину потёк тёплый, густой бульон. Да я бухая! Вот за что я люблю солнце! Только, кажется, оно уже запекает кожу на щеке – жжётся, аж искрит! Не завидую я вампирам. Пора спрятаться, иначе становится больно. Пересяду-ка на соседнее сиденье. О, какое прохладное! Ещё одна минута свежего наслаждения, на этот раз для моей задницы! В автобусе так душно, что горло дерёт и глаза чешутся. От липкого тонкого слоя пота начинает щипать лодыжки.

На ближайшей остановке автобус начнёт забиваться людьми – а значит, дышать станет совсем трудно. Сниму туфельки – наслажусь ветерком, щекочущим пятки, когда откроют

двери. О боже, сколько запахов от стольких тел! Как занозы в носу – придётся натянуть ворот до ушей и нанюхаться собственными духами! Ну же, гимназия, – появишься на горизонте! Есть!

Вокруг гимназии какая-то путаница. В этом году в нашу выпускную параллель набрали кучу новеньких из других школ. И кажется, теперь они шатаются, как лешие в чужом лесу.

Только вот на крыльце у главного входа творится что-то нехорошее. Трое парней сидят на ступенях, широко раздвинув ноги, – и заставляют всех поднимающихся к дверям обходить себя за версту.

Это новенькие. Из соседней неблагополучной школы. Я знаю этих ублюдков! Видела их пару раз в тусовках на баскетбольной сетке. Избалованные детки зазнавшихся толстосумов.

Ботаники послушно и даже смущённо обходят тех стороной. О, человеческая сущность! Люди так легко стыдятся чужого позора, принимая его за свой!

Ух ты. Придурок Марик направляется прямо к этой троице. Такой же мерзкий упырь – из параллельного класса. О, чёрт – они ему пожали руку! И даже сдвинули свои рыхлые ноги, чтоб предоставить тому дорогу к дверям! Какая привилегия от ублюдков – ублюдку! Ну уж нет! Я не собираюсь их обходить! И пожимать им руки – тем более!

Это отвратительно. Омерзительно так, что тошнит! Лучше бы они затоптали клумбы! Нет. Цветы беззащитны, их нельзя обижать. Лучше бы били каждого встречного в рожу! Я не могу пройти мимо. Иначе перестану себя уважать! За малодушие. За то, что позволяю топтать свои идеалы!

Но есть кое-что, что знаю о себе только я... Я боюсь всех людей! Просто заговорить с ними. Дать о себе знать. Я боюсь их глаз, прикосновений, слов и запахов – всегда теряюсь и чувствую их взгляды кожей. Люди смотрят мне в глаза, но даже не подозревают, что проникают в меня так глубоко – что я чувствую их взгляды внутренностями. Я испытываю всем телом то, о чём большинство даже не догадывается. Это всё равно, что одной из немногих видеть привидений. То, что для других просто слово «Привет!» – для меня испытание из колющего взгляда, режущих звуков и проникающих под кожу объятий. И особенно ядовиты слова на повышенных тонах! От любого спора моё сердце заводится так, что норовит выломать мне все рёбра!

Но кое-что знают обо мне многие. Что сильнее, чем прикосновений, сильнее, чем боли, – я боюсь перестать себя уважать. Острее прочих я чувствую не только жару и холод. Гораздо острее большинства я чувствую справедливость, честь и достоинство. Как же непросто быть мной! За что природа велела мне родиться и жить в своём собственном капкане?

Что же делать, что же делать? Лучше умереть от провала, чем от мысли, что я трус. Трус – не защитивший то, что ему дорого! На мне ведь сильные духом джинсы! Я не могу их подвести... Выбора нет: придётся шагнуть в пекло с головой и поставить этих уродов на место.

Господи, да всего-то нужно их пожурить и подвинуть – но как же страшно от одной мысли...

– Чё булки раскидали? – выдала я своим фирменным басовым громом.

– Хотим, – с липкой сальной ухмылкой ответил их главный. Жирный белокрысый гад. Его мясистым щекам, видать, стало тяжело натягивать свою отвратную улыбку – так что шестёрки подхватили и натянули её все вместе.

У меня начинает дрожать под горлом. Тряска отдаёт в руки, но я изо всех сил сжимаю их и не выдаю предательскую дрожь. Если я не сломяю заезжих вредителей, то до конца года останусь слабачкой в собственном доме. Нет, я с этим жить не смогу! Выбора нет: умри, но сделай!

– Вы зачем сюда явились?

– За знаниями, – всё с той же жиденькой ухмылочкой продолжил гадёныш.

– Так втыкай первое, шутило! Физика в тугие головы не заходит! Хочешь впустить в свою тупую макушку нескончаемый поток знаний – сними свой шутовской колпак! И стяни свою ублюдскую ухмылку, не то твои щёки раздувает так, будто у тебя во рту с десяток болтов.

Простите, джинсы... Приходится доставать из карманов грязь...

Ухмылка с гада испарилась. Зато дружочки его гоготнули. Они уже на моей стороне – я это чую. В кои-то веки людская измена мне так приятна.

– Встали живо.

Ребята встали... А гад не шелохнулся. Я пнула его острым замшевым носиком.

– Ты чё, э! – отозвались щёки.

Я пнула ещё раз:

– Тебе щёки и на уши давят, что ли? – Я грубо наступила на здоровый модный кроссовок и пнула тело в последний раз. Гад встал, отряхиваясь.

– Хорош! Ты чё такая!

Ублюдки расступились. Я прошла ко входу по расчищенной дорожке. Красной от накала.

Меня трясёт будь здоров. Сил сказать что-то ещё просто нет – надо скорее исчезнуть от греха подальше. Со стороны, наверное, я выгляжу дико нагло. Ну же, двери, открывайтесь!

Фуф, у меня получилось! Я смогла. На грани от провала в пропасть! Как же ладони вспотели. Нужно уgomонить растрепывавшееся сердечко – а то ишь как колени сотрясает! Отдышаться бы...

Всё плывёт перед глазами. Как-то сам собой возник второй этаж. Слышу в нём знакомый голос...

– Кристина!

Это завуч. Ну не до тебя мне, чёрт возьми.

– Здравствуйте, Лариса Юрьевна...

– Это что такое? Ты почему волосы не перекрасила за целое лето?

Вот это здрастье.

– Я и не обещала!

– Так больше нельзя, Кристина! – измученно, даже надрывно простонал учительский голос.

То есть ЭТО его мучит не шадя? Бордовые концы на рыжих волосах? Я вспомнила засранцев на лестнице. Которые просочились сюда лишь благодаря банкнотам папочек и мамочек. Марика, который говорит за спинами педагогов такие мерзкие вещи, что лёд бежит по спине. Здесь буйствуют и пляшут все смертные грехи – а учительский голос чуть не плачет из-за волос... Чего? Вот прямо сейчас именно мои волосы так мучают нравственные чувства?!

– Вот это – по-вашему, важно?! – я схватила свою прядь и проговорила так отчаянно и громко, что все вокруг замолчали. Здесь моя выдержка треснула. И просочились слёзы...

Видимо, мой чёрный взгляд выдал отчаяние сродни предательству родины. Мне ничего не ответили, а я с полным правом молча развернулась и зашагала прочь, в руках неся сбегающие слёзы.

Что-то мне от всех этих переживаний раньше времени приспичило отлить. Проведаю-ка старый добрый сортир. И надо срочно сполоснуть холодной водой голени – от свежего пота их всё это время щиплет мама не горюй!

Ну вот ещё и голод тут как тут! От него я косею ещё быстрее, чем от пива солнечным днём, – в глазах плывут жёлтые монетки, и ноги отрываются от земли. Скорее бы рассосать шоколадную конфету, пока урок не начался! Иначе урчание в животе сорвёт урок раньше звонка!

Я ворвалась в свой класс, выбив дверь ногой. Вытолкнув всех со своего пути, громко рухнула на свою парту. Даже забыла хоть с кем-нибудь поздороваться. Но это ведь не со зла! Меня трясёт от голода! Скорее бы найти в сумке конфету, не то у меня сейчас живот заурчит

на весь кабинет – и тогда я выпрыгну в окно от стыда! Как назло, все стихли! С шумом и гамом я вываливаю всё содержимое сумки на стол. Рема, нежно и почти умоляя, мурлычет мне:

– Кри-и-ис, здравствуй!

Я чуть раздражённо, но тепло поднимаю ладонь в ответ. Ну вот, наделала тишины, и теперь все смотрят на меня с опаской. Наверное, в очередной раз думают, какая же я стерва. Кир видел, как я удельывала ублюдков на крыльце, – как пить дать уже всем растрепал. О, конфета!

М-м-м, шо-ко-ла-а-а-ад! Он так томно стекает под язык, что я закатываю глаза, и кажется, сейчас умру от вкуса! Боже, благослови на небесах того сукина сына, что придумал шоколад! О, да, моя сладенькая, взберись на нёба, оближи мои дёсны! Поцелуй с любимой конфетой – это всегда так волнующе! Шо-ко-лад! Он даже звучит точно так, как чувствуется на вкус! «Шо»: так клык мягко и нежно вонзается в свою жертву – плитку. «Ко»: бедняжка плитка трескается и ломается! «Лад»: так липко и густо она растекается по горячему языку... Это просто секс, а не поцелуй! И обёртка такая классная – как красиво она мерцает на моих джинсах! Красная фольга блестит на жёлто-голубых швах, что сил нет оторвать взгляд. Мир так красив порой во всяких мелочах – может ведь, когда захочет! Не буду выбрасывать фантик, пока он не сотрётся напрочь! Всегда так делаю. А перед тем как выбросить, я его целую, говорю «спасибо!» и желаю покоиться с миром на кладбище вещей – свалке. Каждый раз жаль расставаться с друзьями, даже если это всего лишь фантик. Всегда чувствую вину, что бросаю их после стольких радостей, разделённых на двоих... Всегда чувствую себя немножко предательницей, выбрасывая вещи. Они ведь живые! С характерами и душами.

– Эй, Крис! Шикарно выглядишь!

Кир произнёс это робко, но искренне. Я его очень уважаю. Он честный и совестливый малый. И ещё я точно знаю, что он озвучил мысли многих присутствующих здесь. За это я люблю его, о, да!

Я одобрительно, почти по-отечески кивнула. Опять стервозная выходка получилась. Я не специально! Меня застали врасплох: я дожёвывала конфету, неэлегантно шаря языком во рту. Раз уж меня считают сучкой – не разочаровывать же ребят!

Лео слышал комплимент Кира в мой адрес. Но не обернулся на меня – а лишь ревниво поджал губы. Мне кажется? О... Лео. Чёрные волнистые волосы касаются его крепкой доброй шеи. Им это можно. Мне – нет... Буду касаться её глазами. Ты почти не почувствуешь! Украдкой стыдливым взглядом глажу твою спину. Родную. Я так скучала. Боже, как я скучала...

Звонок. Серо-чёрно-жёлтый пятнистый звон. И туфли всё-таки натёрли мне правую пяточку. А ведь я их надела-то всего полчаса назад!

Полчаса... Вот я ещё на полчаса ближе к своей могиле. На обычные полчаса обычной жизни Кристины.

Сентябрь. Мне 17

Привет, Пространство! Я Кристина Л. Это мой дневник. Мысленный дневник. Я часто говорю сама с собой в своих мыслях – и я точно знаю, что они записываются где-то во Вселенной. Кто-нибудь однажды услышит их. Но, боюсь, они могут попадаться вам не по порядку...

Меня зовут Кристина. Моё имя для меня звучит как узор из тонких чёрных веток. Да, я синестет. Я вижу цвета и формы в музыке, чувствую вкус и запах у слов, а в предметах – нахожу характеры и души. Если вы покажете мне свои глаза, я скажу вам – сладкие они или солёные. Или, быть может, они пахнут ванилью?

Я амбидекстр – ловко орудую и левым, и правым полушариями одновременно. Потому, наверное, я не различаю мысли и чувства – они для меня одно целое, один сплетённый комок. Пишу я тоже обеими руками: правой – слева направо, а левой – зеркально, справа налево. Мне одинаково хорошо даются и физика, и живопись, и математика – и музыка. Физику, кстати, я тоже вижу цветной: почему-то физические формулы кажутся мне жирными, покрытыми масляной краской. Но больше всего я обожаю информатику! У меня почти гениальный логический интеллект: я щёлкаю задачки на логику, как орешки, и уже неплохо разбираюсь в процессорах. В прошлом году я выиграла одну из онлайн-олимпиад – и теперь готовлюсь поступать на лучший факультет кибернетики. В ненавистном городе С... Ну и чёрт с ним! Учитель говорит, что я стану легендарным программистом. Так что потерплю шесть лет учёбы – да и свалю на все четыре стороны, куда глаза глядят!

Мне достался уникальный мозг, ха-ха! Но главный подарок природы – моя сверхчувствительность. Физиологическая и эмоциональная. Когда я слышу песню, то вижу её в цвете и в самых причудливых формах. Пианино звучит, как голубые жемчужные ракушки, а орган – как золотистая чешуя на алом бархате. Но, кроме того, я различаю очень близко стоящие друг к другу оттенки – и улавливаю фальшь до 1/32 тона. Иной раз это вовсе не подарок, а проклятие – я ведь не могу и половины песен выслушать, чтоб не оплеваться от халтурной настройки инструментов! К тому же я вижу души не только у предметов – и у музыки тоже.

Некоторые песни таких отвратительных цветов, что я умоляю выключить их скорее, иначе мне становится страшно. Правда, ещё хуже, если песня почти бесцветная или бесформенная. И совсем не пахнет... На такую музыку просто невозможно смотреть! Сейчас многие песни собирают наспех из каких-то пластиковых отходов. В них нет души, только подделки вместо душ – лживые и мёртвые. Больше всего, что этого почти никто, кроме меня, не замечает. Когда таким песням подпевают или даже плачут под них – мне становится очень больно. Как если бы я оказалась одна среди зомби. Я часто затыкаю уши в торговых центрах. И глаза тоже зажимаю.

Кожа мне досталась такая же навороченная. Чуть градусник упадёт ниже +10 – я тут же ощущаю на лице иголки холодного воздуха и прячу голову в шарф. Стоит градуснику перескочить +25 – и мои щёки щиплет зной. Правда, если немножко потерпеть – я опьянею от солнца. Перестану чувствовать жжение, в голове закружится вихрь, а из ног вырастут крылья. Но даже это не главная жемчужина сверхчувствительности. Если я надену юбку и поймаю ветерок под определённым углом, то через минуту-другую – але-оп! Я испытаю оргазм! Вот почему я так люблю гулять в платье по набережным. Останавливаться и смотреть вдаль... А зеваки что думают – что я вся такая упоённая видами натура? Алё!

Меня вообще мало кто понимает. Хоть сколько-нибудь! Любая несправедливость доводит меня до такого кипения, что жить невыносимо. А я-то вижу их куда больше, чем многие! Столько людей даже не догадывается, из-за чего я бываю на них так зла. Меня каждый день терзают острые когти одиночества.

Но ни за что и никогда я не верну судьбе её «подарок». Не обменяю ни на какое спокойствие и счастье! И не только потому, что я то и дело испытываю оргазмы и наркотические опьянения отчего ни попадя. Видеть и испытывать ТАК и СТОЛЬКО... Я чувствую себя такой живой! Я живу. ЖИВУ. И от этого трудно отказаться.

Ну уж не-е-е-е-тушки!

Апрель. Помехи...

- Они придут за мной! Они снова придут за мной!
 - Я их встречу. Никто не посмеет прикасаться к тебе.
 - ... // помехи // ...
 - Я их чувю, Лео!
 - Ты ходила к врачу?
 - Умоляю, верь мне! Они только того и ждут, чтобы вы все бросили меня в дурке!
- Наедине с ними! Прошу, обними...
- ...Какие напуганные у него объятия. И совсем не успокаивают...

Сентябрьское утро. Рань господня.

Я стою у зеркала в своей розово-фиолетовой комнате. Скоро выходить в мою любимую-любимую (ха-ха) гимназию.

С той стороны зеркала на меня смотрит огненно-рыжая девушка с чертовски нежной розовой кожей.

Как же мне повезло родиться собой! Каждое утро я по полчаса люблюсь на своё отражение. Кто знает, когда ещё за целый день мне удастся насладиться прекрасным? И плевать, что я совершенно не вписываюсь в какие-то там стандарты! Мне-то что?

Стандарты для идиотов. Моей красотой восхищаются скульпторы, а не только сопляки гимназисты. Если вы слышите мои мысли – слышите? Вы должны запомнить меня такой!

Янтарно-жёлтые глаза смотрят в меня пронизательным прищуром. У меня убийственный взгляд! Многие говорят, что я колдунья – могу заморозить и убедить глазами в чём угодно! Ну, раз всем так хочется – это их право. Людей так просто одурачить.

Нос у меня очень тонкий, длинный и с горбинкой. Губы тоже тонкие, тёмно-бордовые и чётко очерченной формы. С острыми, почти готическими кончиками. Я редко крашу их помадой – не хочу портить волшебный оттенок! И вообще ненавижу создателей помад, потому что они только и делают, что воруют мою сущность! Теперь любая может сделать губы бордовыми, а это несправедливо! Особенно потому, что я люблю и уважаю бордовый цвет как живого человека! А иные помаду лишь намажут и сотрут, только её и видели. Это невыносимо! Зато я бессовестно крашу волосы – вот такая вот белиберда.

Я подкрашиваю свои рыжие кончики тёмно-вишнёвой краской – в тон к моим губам! Выглядит отпад! Острые бордовые губы – и острые бордовые кончики волос! Я в восторге! И градиент получается безумно сложным – на солнце он играет то кирпичным, то малиновым. И дико идёт моей розовой коже. Точно все цвета зари на одной лишь моей голове! Я вся похожа на закат. Особенно когда надеваю свои вишнёвые туфельки – и иду гулять по осенней кленовой листве. Даже мои любимые ягоды – вишня и облепиха. И музыку больше всего люблю жёлтую или красную.

На прошлой неделе у меня выскочил здоровенный прыщ над губой. Я даже и не подумала его спрятать! Он был такой ярко-розовый и красивый, что я взяла бронзовые тени – и дорисовала ему оправу! Получился настоящий рубин на фарфоровой коже. Ягодка брусники в розовом зефире.

Но никто, кроме меня, этого, конечно же, не понял. Все видят просто прыщ под бронзовой присыпкой! Ума не приложу! Сотни девчонок отхватывают тысячи комплиментов чёрт знает за что! Да это порой и достоинствами-то назвать нельзя! Как фальшивые рубины для тех, кто не имеет вкуса. А я обладаю настоящим сокровищем – и всем на него наплевать. Ну хорошо, не всем, лишь некоторым – таким, как засранец Лео.

Мама говорит, что черты моего лица лепили вручную сотни эльфов-ювелиров. Она гораздо красивее меня – в сравнении с ней я как зелёная неспелая вишня. Но я и правда очень симпатичная. По-настоящему.

И я надеюсь, что в старости мой розовый зефир превратится в треснувшее безе и графские развалины. И вся я стану похожа на картину в стиле рококо. У меня и сейчас довольно контрастные пропорции. Под осиной талией приютился пухлый животик. У меня длинные ноги, крупные бёдра, но тонкие щиколотки, как и запястья и подушечки пальцев.

Ещё у меня очень маленький и острый подбородок. Правда, под ним – второй. Запасной. Но он нисколько меня не портит – напротив! Моя кожа и впрямь очень похожа на нежный розовый зефир – и припухлость у шеи придаёт десерту весьма аппетитные рельефы. Смотрится чертовски обаятельно! Кто вообще придумал, что второй подбородок не может быть краси-

вым? Я тоже люблю волевые и крупные, но только не эти повальные вставные челюсти! Дьявол упаси меня стать такой же – похожей на варана! Меня вообще удивляют люди, коверкающие свои черты!

Во-первых, о чём они думали вообще? Ведь человек, живущий в маске, свою половину никогда не встретит! Кто-то, предназначенный ему судьбой (её величеством генетикой), ни за что теперь в него не влюбится! Он просто не узнает исковерканные черты!

А во-вторых... Чаще всего это напоминает безвкусный тюнинг дешёвеньких тачек. Или попытку сделать дорогую сумку из обшарпанной клеёнки. Вы уж простите, но только благородное дерево от старости хорошеет! Как и некоторые люди с возрастом «ярчают» и «сочнеют». Например, моя мама. Как вишня – что со временем становится всё темнее и слаще. И морщины лишь точнее прорисовывают её характер – обводят жирным и без того красивые черты. Да я ни за что на свете не позволю ей разгладить их! И испортить такую графику, так искусно временем состаренное дерево.

Время нещадно стремится ко мне урок, но пространство не торопится сближать нас. Всё-таки я люблю литературу.

Кабинет литературы

– Эй, Кир! – я запустила в одноклассника кручёным CD-диском. Кир ловко извернулся и поймал. Молодец.

– Ого! «Significant other» – это же антиквар!

– Ага. Он с автографом!

Кир, не сводя с вещицы огромных горящих глаз, машинально достал телефон, чтобы тут же сделать фото:

– Завтра верну!

– Можешь поиграться!

Лео сидел ко мне спиной, как обычно, уткнувшись во что-то под своим носом. Обожаю при нём расточать любезности другим парням. Я же вижу, как он бесится.

– Лео, видал? – Кир думал, что приятно удивит друга. Ага. Конечно.

– Да, – раздражённо отозвался Лео. Стараясь делать вид, что ему плевать на эту ерунду, только сильнее обычного нахмурился. Обожаю.

А ещё говорят, что любовь не терпит злорадства. Хотя если я и люблю Лео, то больно уж лениво.

Звонок!

Ручей ученичков втекает в класс, как кайф по венам.

Интересно, а какой он – кайф от наркотиков? Если меня так штырит от обычного голода, то что же со мной будет, попробуй я чего потяжелее?..

– Записываем тему, ребятки!

... Наверное, я умру от избытка чувств! Ну-ка, проведу эксперимент. Сейчас слегка стяну вниз кофту и оголю кусочек плеч. Та-а-ак. Теперь буду незаметно вращать шейю, чтобы по голой коже побежали волосы и серьги. Я частенько так делаю, но теперь важно не прекращать, пока... Бог мой. Бог мой! Остановите время, слышите! Как же это супер-офигенно-мега-круто-прия-Я!.. тно.

Рема обернулась на меня заговорщицки. Я слишком громко дышу. И резко подпрыгиваю. Чёрт, я совсем не слушаю учителя...

Какого дьявола? Гумилёв? Да когда уже закончится этот серебряный век нытиков, завышенных амбиций и неоправдавшихся надежд!

– Родился в семье врача...

Нет, не слушала – и начинать не буду! Дома меня ждёт свеженькая шекспировская пьеса: я наконец берусь за «Укрощение строптивой»! Доживу этот день в предвкушении страстного вечера.

Рема шепнула что-то Лиде на ухо – и та тоже обернулась ко мне и подмигнула.

Ремочка. Она тоже рыжая, только дико кудрявая, и её цвет более тёмный и медный. У неё светлые широкие бровки, россыпь веснушек, острые скулы – и хитрющие лисьи глаза. Я часто смотрю на людей – в классе или в автобусе – и представляю, какими бы волшебными героями они были. Я встречала болотных лучниц и земляных колдуний. Рема же целиком волшебная и без всякого воображения! Она даже не представляет, как ей идёт её сине-сиреневый мягкий свитер! Я лишь представляю, какой бы умной она могла быть, если бы её мысли были бы такими же яркими и кудрявыми, как её волосы!

Но нет. Она меня любит. Но почти не понимает, как и все.

Лид умеет носить кожаные шмотки, но при этом не выглядеть ни пошло, ни агрессивно. У неё каштановое густое каре и взрослое уютное выражение лица. Она как старшая сестра.

Лид и Рема клёвые, но они всё-таки слишком поверхностные для меня. Настолько, что даже не понимают – насколько они крутые! Как бы мне хотелось, чтобы они хоть раз увидели себя моими глазами.

– И вот, во время Кронштадтского восстания...

Даже стыдно. Да верю я, что Николай Степаныч был славным малым! Но не сегодня и не для меня. Паршиво мне от «его» времени! Слишком мутный и тяжёлый у него оттенок...

Обрывки связи

- Хей, Крис! Ты нас ждёшь?
- Я да. А пиво нет! – голос срывается от волнения. Боже, у меня будут люди. Они будут говорить и пахнуть... И смотреть на меня! Что другие делают в такой экстремально-стрессовой ситуации?
- Ладно, мы захватим ещё, – тепло улыбался «щекастый» голос Лид.
- И шоколадок! Штук двадцать, приём!
- К пиву?
- К пиву! Да, пиво тоже шоколадное подыщите!

Середина сентября. Перед уроком информатики

Сегодня нельзя опаздывать! Я две недели горела, как спичка, и вчера наконец нашла самое сногшибательное решение к задаче со звёздочкой!

Некогда думать о ерунде – расскажу по пути, дорогой мой, мать твою, дневник!
Встретимся в городе гаражей у моих жёлтых глаз!

Город Гаражей. Жёлтые глаза

Я на базе, приём! Время есть, чтобы записать мыслишки.

Наш городишка достаточно мал, чтобы местные «звёзды» были по-настоящему знамениты. И достаточно большой, чтобы они оставались по-своему недосягаемы.

Мой класс расформирован – половину я и так едва знаю и не спешу это исправить, а другие и вовсе из соседних школ. В выпускной год все лучшие умы расфасовали по коробкам. Половина нашего класса изучает биологию – Рема и Лид, например.

Кир, я и Лео – среди будущих программистов. На самом деле Кир остался в нашем классе просто за компанию – он умный парень, но точно не Билл Гейтс. А вот мы с Лео – действительно лучшие. И я аж чешусь от нетерпения узнать, как же решил задачу он!

В этом году в программу впаяли тошнотворную робототехнику. Все вокруг почему-то уверены, что я буду писать кипятком от этой затеи. Но это же скучилище смертное! Это не программирование, а вышивание крестиком!

Поэтому я специально взяла задание, где побольше всяких электрических цепей, чтоб не захлебнуться в собственной рвоте.

Но главное – это подготовка к олимпиадам и поступлению! Каждые две недели наш достопочтенный Г. Г. даёт лучшим из нас олимпиадные задачи на дом. Вот это разминочка для мозгов!

Мне удалось найти золотую закономерность приращений в циклах! Интересно, их специально такими сделали? В общем, у меня получилось сократить программу вдвое – используя одни и те же переменные и как счётчики, и как логические выходы. Короче! Просто поверь, что это охрененно крутая идея! И не вздумай сомневаться в мамочке!

Г. Г. точно оценит. Классный мужик, кстати.

Ну всё, автобус подоспел!

Автобус

За окном видок не фонтан. Старые дома сменились такими же старыми, только «облагороженными». Дешёвые декорации для спектакля под названием «Жизнь, идентичная натуральной». ...И добротный кирпич был обшит панцирем из пластиковых стаканчиков! Мерзость, как и то, что это считается благом. Я сейчас как отражусь в окне свирепым видом! О! Отражение из моих рыжих волос и серебряных серег похоже на дождь среди осенней листвы! Ну вот, уже совсем другой пейзаж получился!

Сосед плюхнулся сбоку и задел моё предплечье. Как секирой по нервам! Я чувю каждый волосок его кожи – и мне они совсем не нравятся! Они колючие и липкие – лучше прижмусь к соседке напротив. У неё классная жёлтая сумка! И фиолетовый свитер. И цветастые широкие штаны. Да она вся похожа на пластилиновый мультяшник! Вот это я понимаю – пища для глаза! Особенно в этой трясухой консервной банке, где каждый будто нарочно пытается отравить мой взор своим убогим видом!

Ох! Автобус тряхануло на кочке. О, эти цветные широкие штаны! Они коснулись моей голени, и я... я дьяволу душу продам за то, чтобы это повторилось! Плевать, отныне я за плохие дороги! Обычно я каждую кочку ощущаю почками, но сейчас это неважно. Потому что на каждой неровности уголок волшебных брючек пластилиновой дамы украдкой гладит мои ножки даже сквозь джинсы. Я это чувствую! И это то, ради чего стоит жить! О, да я сейчас с ума сойду! Тащите контракт с дьяволом! Где подписывать?

Моя пластилиновая волшебница вышла на одну остановку раньше меня. Но на мне ещё долго будет красоваться идиотская улыбка, судя по тому, как на меня пялятся. А вот это уже противно. Ставлю на плей жёлтых Dusted, чтоб отвлечься.

О, чёрт, моя нелюбимая песня заиграла. «(Into the [Atmosphere](#))». А, пусть себе играет. Ну-ка посмотрим на неё! Жидкие, светящиеся жёлтым и белым линии. Но что тут ещё? Раньше я этого не замечала. В жёлтые линии вплетены тонкие тёмно-синие струны! Они начинают проникать под мои рёбра и настойчиво скрести. Что даже слюна выделилась. До настоящей секунды эта песня казалась мне глупой весёлой дурочкой. Но сейчас я впервые слышу в ней синюю скорбь. Просвечивающую сквозь жёлтую надежду. Эта песня вдруг доверилась мне! Показала свою тайну. И этот переход с 2:13! Он решил меня добить! Линии соединяются между собой и делают тёмно-жёлтую петлю, а мелодия начинает говорить: «Столько пустоты вокруг – точно для слёз. Но посмотри, как я мерцаю в них. Я понимаю твоё сомнение и одиночество. Я сзади. Я держу...» К горлу подкатывает увесистый ком. Вот сейчас наступил тот момент, когда я наконец влюбляюсь в эту песню без памяти. Это исторический момент, слышишь? Тот момент, когда у меня появился ещё один друг.

Помехи

– Ты думаешь, ты всё знаешь? Да что ты о нём знаешь? Слухи? Что ты о нас знаешь?
Чужие домыслы?

...// глитчи и путаница //...

– Тебе! Какая! Сраная! Разница? – чеканила я с каждым шагом. – Это ты у нас любишь
полизаться тайком, а потом всё отрицать! Это не про...

...// помехи //...

– Кристина! – послышалось басовое эхо.

...Тебе больно. ...Мне больно... Я всё ещё люблю тебя. Лео!

Кабинет информатики

– Ну что, всё у нас как всегда. Bravo, Кристина. Bravo, Леонид. Сразу две блестящие идеи для решения задачи с параллельными ветками. Давайте рассмотрим каждый на доске.

Обожаю Григория Германовича за его лаконичные эмоции. И за дикцию, которая и без шуток хорошенько подпахивает юморком.

Лео с неприкрытым интересом и уважением пялился в мою тетрадь.

Лео. Да. Вообще-то его и правда зовут Леонид Митин. Но никто уже этого напрочь не помнит. Однажды, в начальных классах, Лео сыграл львёнка в школьном спектакле. Уже тогда он был крупным кудрявым мальчиком – и роль ему подошла как влитая! С тех пор он стал сначала Львом. Потом в каком-то чате Лео зарегистрировался как Leo Need Meat. С тех пор к нему и прилипло клейкое карамельное «Л-л-л-л-лео». Все зовут его Лео, даже учителя часто путают и кличут Львом – и никто их не поправляет. Да он и сейчас из-за пышной кудрявой шевелюры и крупного телосложения чертовски похож на неторопливого льва, чудом забредшего в гимназию. С которым правда лучше не связываться.

Только он себя со стороны не видит. Лео красивый. Он очень высокий и крупный. Я знаю, что Лео стесняется своей полноты – но, чёрт возьми, как же мужественно он при этом выглядит! У него статная осанка и широченные плечи. Жёсткая, выющаяся шевелюра. Чёткие, гранёные черты и бесподобный овал лица! Если я когда-нибудь оторву Лео его несносную башку – то, клянусь, что принесу домой и хоть налюбуюсь вдоволь. И нацелуюсь. Или сделаю из неё бюст для академии искусств. А его глаза, боже, ещё ярче и выразительнее моих! Ресницы гуще, а разрез настолько сложной ювелирной формы, что можно устраивать выставки у его глаз! И какие у него красивые пальцы! Стала бы природа корпеть над какими-то пальцами, если их вообще можно спрятать за дубинкой? Нет, у природы явно было вдохновение, когда она лепила Лео!

Ещё он немного псих. Как и я, любит процессоры и готическую музыку. И считает, что я до дичи влюблена в панк-рок. Он неправ. Я влюблена в него. Но недостаточно для соприкосновений жизнью. Любовь – не повод для романа. Нужно трогать человека – а это удары током... И вообще, чего он пристал? Мне кажется, мы даже спустя двадцать лет будем травить друг друга, а внуки будут делать на нас ставки. Вот уже предвкушаю, как однажды мы поймём, что не можем больше скрывать нашу любовь и бла-бла... Швырнём друг в друга кольца. Только вот я до сих пор на него зла за его тугий лоб! Лео ранит меня равнодушием всякий раз, как я поворачивалась к нему беззащитной стороной симпатии! Ну что за придурок?!

– Ты домой?

Что? Таким ласковым этот голос я ещё никогда не слышала.

– Можем пойти вместе. У тебя крутое решение!

Ох. А какое было у него? Я же так торопилась узнать!

Оказывается, урок уже кончился. Григорий Германович поставил нам высший балл, и Кир стёр с доски. А Лео только что позвал меня пойти домой. Вместе с ним.

Всё, что нужно знать за сегодня

Дорогой дневничок.
Лео козёл.

Гимназия, второй этаж. За окнами дождь

Нет сил ждать вечера, когда я наконец распахну ноутбук, загружу среду разработки и решу эту задачку! Голова уже раздувается от идей, поэтому я строчу в зелёный лист прямо на подоконнике, забыв убрать книжки в сумку и зажав их в коленках.

Нет, сортировкой слишком долго! Должно быть какое-то универсальное сравнение! Чёрт! Сумка свалилась-таки на пол, и все мои цветные лекции ковром устлали пол.

Терпеть не могу белую бумагу. Этот цвет мне напоминает смерть, пустоту. Если взглянуть на белый лист, то кажется, что проваливаешься в ледяное болото. Холодно, и дышать трудно. Я специально купила пачку цветной бумаги – и у каждого предмета свой собственный мир: у информатики – зелёный, у литературы – жёлтый, у физики – красный, а у математики – синий. Самое удивительное, что кого-то это удивляет! А меня удивляет, как можно писать в белой тетради или смотреть в белый экран! Даже текстовые редакторы в моих гаджетах чёрные и с жёлтыми буквами. Как звёзды во Вселенной. Смотришь в них – и жить хочется. Печатаешь текст и словно пересекаешь космос в одиночестве – так хорошо и уютно... Но некоторые учителя думают, что это мой очередной способ выпендриться. Обидно, чёрт возьми. Ведь мне правда душно и страшно в этой вашей бледной макулатуре.

А ещё часть текста я записываю левой рукой – зеркально. И даже придумала свою собственную стенографию – с рисунками и шифрами. Так я лучше запоминаю всё, что вывожу. Отчасти благодаря этому я так хорошо учусь – я всегда тщательно продумываю, как перевести диктуемый текст на свой язык – а значит, понимаю, о чём пишу! И мне становится интересен предмет. Но парочке учителей почему-то не нужно, чтобы я понимала... Им важно, чтобы я ходила в белой блузке и строчила занудным почерком в белой тетради.

– Кристина!

О, да. Вспомнишь солнце – вот и лучик.

– Сегодня комиссия ходит по гимназии, вас же предупреждали! Ты почему опять в красном свитере явилась?

Когда я надеваю белую блузку, то ощущаю, как руки врага трогают моё тело и душат меня за шею. Мне становится так плохо, что я чувствую, будто мою кожу прожигает собственное двуличие. Я и минуты этого терпеть не могу. Но как им это объяснить?!

– Я правда не хочу, чтобы у вас были проблемы из-за меня. Честно, Таисия Карловна! Я спрячусь. Меня никто не увидит – даю слово! Я могу даже прогулять последние уроки – там всё равно ничего путного, а мне нужно олимпиаду решить.

– Это что ещё за разговоры, Кристина? Девочки из «Г» класса уже пообещали мне, что снимут цветные серьги!

И? Они их сняли? Обещать – не значит жениться! Они просто на время спрятали свои серьги в карманы! И сами тоже спрятались за углом гимназии – и курят там дешёвые папиросы, пока мы с вами тратим время. Но не могу же я сказать это вслух – и выдать девчонок?!

– Если бы я дала вам слово, то обязательно выполнила бы его. Но я вам его не давала, потому что привыкла отвечать за свои слова. И не даю обещания, которые не собираюсь выполнять.

– Кристина. – Т. К. смотрела на меня снизу вверх с уничтожающим укором. – Мы будем предпринимать меры!

К глазам предательски подступили слёзы.

– Раз уж дали слово – выполняйте!

Я как-то умудрилась моментально собрать с пола все свои вещи и удрать прочь. Т. К. заметила мои слёзы и не могла остаться равнодушной. Я очень люблю её – и она меня ещё больше. Но что ж у нас за любовь такая дурацкая?

– Почему во всей гимназии все искренне любят друг друга через задницу?! – кажется, я проорала это на всё здание и не заметила, как врезалась в Лид и Рему.

– Крис! А мы тебя ищем! Ты чего ревьешь? Опять на тебя наезжают?

– Пф-ф-ф, плевать!

– Забей! Спрячься!

– Да я прогуляю вообще.

– Ну ты даешь! Слушай, пока не ушла! Хочешь вечером на тусу с нами? Парни устроят шикарный дрифт! Они попросили лишь подогнать клёвых девчонок. Ты же у нас самая клёвая?

– Легко! Куда подвалить?

– Часов с девяти за заправкой у «Ниагары». Ребята покатают нас бочком, сечешь?

– Ждите!

Чёрт, что я натворила? Тусовка? Люди? Парни ищут тёлки? Я представляю, что это за парни, с которыми тусуются Рема и Лида, – стоит мне хоть раз промямлить какую-нибудь глупость, как меня закопают в позоре навеки!

Но ведь я же дала слово, что буду! Тьфу на меня!

Близ «Ниагары»

Вот же чёрт, уже совсем темно, хоть глаз выколи! Даже мама удивилась, куда я собралась в такое время. Но раз собралась – значит, так нужно. Поэтому никаких уговоров не было.

Шикарное место для тусовки! Пустыри, бараки и ближайшая остановка в километре. К слову сказать, «Ниагара» – это мотель на отшибе города. Наверное, он планировался как придорожный, но стал самым настоящим борделем, куда жители ездят грешить с проститутками – подальше от семей и церквей. Коль не в городе – то и не грех. Этакий блудливый горизонт событий. Параллельная вселенная. Лимб перед кругами ада. Сон.

«Ниагарой» это гиблое место было названо тоже из благородных побуждений – рядом бежит лесной ручей и впадает в болотное озеро. Но теперь среди наших жителей слово «Ниагара» давно стало нарицательным диалектом и обросло пошлыми эпитетами и шуточками про водопады и слюни. Я точно поссорила с головой!

Что ж. Иду на огни и рокот машин.

– Кри-и-и-ис! А вот и наша малышка!

Рема висла на шее у какого-то взрослого парня. Она покачивалась на нём, как на шесте, и махала мне бутылкой пива. Мне уже нехорошо. На меня многие пристально обернулись, но парень Рема стоит как упоротый. Как будто он давно сдох, а она и не заметила. Подойду осторожно к ним.

– Приветик, – сказала я наглым медовым басом и засунула руки в карманы своей кожаной куртки. Упоротый труп Рема наконец взглянул на меня не без уважения и одобрительно кивнул. Не люблю такой тип. Слишком худой, высокий, и шмот такой же невзрачный, как и он сам.

– Клёвый прикид! – я впервые видела Рему косой от выпивки. Но не слепой, она права: на мне кожаная приталенная косуха, замшевый чёрный берет и Те Самые Джинсы. Моя банда! Я долго не решалась идти в них. Боялась, что если провалюсь – это ведь произойдёт у них на глазах. Любимые джинсы будут натянуты на обделавшийся зад – я не могу их так подставить! Но джинсы посмотрели на меня и сказали: «Хей, детка! Ты что, сомневаешься в нас? Разве мы не нужны тебе, чтобы становиться сильнее? Вспомни, сколько дерьма мы уже пережили вместе, крошка, и давай сделаем это ещё раз!» И вот мы заодно.

Пора выпустить на прогулку мой фирменный тяжёлый взгляд. Я выпрямила осанку и бегло пробежалась по всем глазам. Стояли три японские тачки, украшенные наклейками и трещинами на бамперах, двери были распахнуты, из одной играла средненькая музычка. Двое парней ковырялись под капотом, ещё трое слонялись туда-сюда, и пара незнакомых мне девчонок мелькали между ними. И косо на меня посматривали. Я им не нравлюсь. Где-то вдали от всех в тени я заметила Лид – со своим собственным упырём. Кажется, они тихо ругались, и Лида со мной даже не поздоровалась.

По-моему, ребята вполне неплохие. Только гораздо старше нас.

– Мой пёсик обещал нас покатасть! – Рема резко подсунула бутылку мне под нос.

Я чудом выхватила, не получив оплеуху, и для вида отхлебнула. Пёсик? Фу, Рема! Бэ, и пиво тоже гадость!

– Покатаешь? Меня и Кристину! Это моя псинка, знакомься! – Рема попыталась укунить своего дворнягу за подбородок, но тот ловко отстранился и поцеловал Рему в её пьяный лоб. Псина с одобрением посмотрел на меня:

– Покатаю, – а потом кивнул в сторону остальных, – а с этими что делать?

Рема с размахом развернулась к толкучке: – Эти шмары? Обойдутся! – и подмигнула мне.

– Их пусть Джоня катает? – пёс нежно, по-отечески смотрел на Рему. Она ведь младше его лет на семь!

– Да! – Рема попыталась твякнуть, как собака, и поцеловала своего бойфренда, неуклюже подпрыгнув к его физиономии.

Я здесь лишняя. Я не знаю, что говорить! Лучше мне провалиться! Двое направляются к нам...

– О! – Рема заметила их и, продолжая висеть на своей сторожевой собаке, стала размахивать руками. – Знакомьтесь! Эта Кристиночка, это Жека, а это Влад!

Парни улыбчиво мне кивали.

– Кристина разбирается в технике! Что вы там хотели делать, скажи-ка! Чинить, чирикать? – Рема опять развернулась к своему упоротому шесту. Не знаю я, как ещё называть это чучело!

– Чиповать, – тихо и с улыбочкой ответил тот.

– Во! Щас Кристинка вам расскажет, как электрика работает! – Ну спасибо, Рема. Удружила!

– А ты ремонтируешь, что ли? – спросил один из подошедших.

– Увлекаюсь, – уклончиво ответила я.

Двое переглянулись и сделали одобряющие гримасы. Пока не так уж страшно.

– А есть проблемы? – решила я сама шагнуть в чудом миновавшее меня болото. Ай да Крис!

– С блоками худо-бедно – датчики выровнять никак не можем. Заказали с «Али», и теперь они нам кажут, что мы в космос полетим.

– Выбросьте в урну и купите новые, без сюрпризов. Ежели хотите развлечения, соберите в кучу косые значения, примерьте к ним кривую и врежьте кусок кода, переводящий одно дерьмо в другое.

– Молодчуля! – ребята пожали мне руку, хотя я не уверена, что они вообще меня поняли. – Давно увлекаешься?

– С тех пор, как бабушка-электрик нянчила меня на пенсии.

Парни заржали. Что? Серьёзно? Вас прельщает такого сорта юмор? Это даже не шутка! Это правда! Чёрт с ним, зато я в ударе. А вот и Лид со своим подтянулись к нам. Кажется, они помирились.

– Привет, родная! – на радостях Лида даже обняла меня и чмокнула в щёку. Её прикосновения меня нисколько не обжигают, они даже приятны.

Все подошли к нам. Ну вот я и своя. Могу просто молчать, иногда улыбаться и слушать, как меня любезно развлекают историями.

Кто-то подъехал и остановился неподалёку. Прибывшая машина была без обвесов и наклеек и явно посолиднее.

– Я сейчас, – парень Ремы и ещё несколько ребят ушли в сторону гостей.

– Старшие приехали, – шепнула мне Рема, – сейчас поговорят и отпустят.

– А что им нужно?

– Да фигня, не парься, – шепнула с другого бока Лид, – это вот те парни делают серьёзные делишки, не наши. Наши так – здесь подсуетить, там подсобить.

– Да, те ребята клёвые! – Рема хищно улыбалась. – Я, конечно, люблю мою псинку и всё такое, но вот бы хоть раз потусить с Котиком!

Из прибывшей машины вышли трое. Видок у них был жуткий даже издалека. Один, самый крупный и упитанный, был в чёрной куртке и бейсболке, задранной почти на затылок. Идиотский прикид! У него тоже, как и у меня, есть второй подбородок – только, клянусь, этот выглядит страшно! Особенно под синюшными веками. Он похож на моржа-зомби, нависшего над всеми вульгарной анафемой, и одной своей тушей вселяет ужас! Вторым был похож на мультяшного солиста Gorillaz. Или вовсе на чёрный призрак! Несмотря на то, что он стоял под

фонарём, умудрялся быть скрытым в тени наглухо. Да он и есть ходячая тень! Я с такими не то что тусить – даже за пивом не выйду! А третий...

– Смотри, какой он классный! – не унималась Рема, – это Эрик Котик!

...Самый страшный. При взгляде на него у меня кишки набиваются льдом. Среднего роста, худой, в серой кожаной куртке и с каштановыми волосами до плеч. Ничего особенного, я не могу понять – почему испытываю животный страх в его присутствии? Как от жестокого и опасного зверя. Он был самым маленьким, но стоял в центре как главный и искривлял своим видом всё пространство вокруг, будто чёрная дыра: даже парень Рема, когда чуть приближался к нему, тут же ссутуливался и чах.

– А почему он Котик?

– Сплетни всякие – одна хуже другой!

– Кто-то говорит, что ест кошек своих врагов заживо. – Лид смотрела на него пристально, с еле заметной, но жадной улыбкой.

– Господи! Скорее бы они свалили!

– О! Они идут к нам! – Рема развернулась ко мне. – У меня макияж не в говно?

Зачем они приближаются к нам? У меня всё плывёт перед глазами. И голова от страха кружится. Шок, точно нас захватили террористы. Как если бы к нам подкрадывались волки, а все стояли бы так же безучастно. Хуже того, все любят этих волков!

Местные ребята показывают им свои машины, неудачно шутят и осторожно улыбаются извиняющимися улыбками. Те трое стоят надменно и совсем не слушают. Раз все так боятся шакалов – зачем впускают в свою жизнь? Объясните мне, как устроены люди!

Котик медленно развернулся ко мне лицом и смотрел не моргая.

Чёрт! До меня вдруг дошло, что я уже минуту сверлю его свирепым взглядом, полным ненависти! Зачем я привлекла его внимание? Теперь придётся драться с росомхой...

– Это наши девчонки, – стараясь делать беззаботный вид, сказал тот, что спрашивал меня о датчиках. Тот, кто сам трусит, ещё и пытается нас защитить. Уважаю.

...А он посмотрел на меня с интересом. Совсем не в моём вкусе. И без того странно, близко посаженные глаза косили один на другой. Они были почти прозрачные, с острыми чёрными зрачками, точно паучьими хелицерами с капающим ядом – от их взгляда становилось по-настоящему больно и дурно. Это самые настоящие клыки в глазницах – они впивались и косились, резав душу изнутри... Покатые плечи. Длинная шея. Я люблю нос горбинкой – а у него он вообще непонятной формы, вздёрнутый, с крупными хищными ноздрями. Я люблю очень высоких и даже упитанных – а этот всего на полголовы выше меня, да ещё и щуплый. Он был похож, скорее, на лиса с этими хитрыми глазами. А в своей кожаной серой куртке – и вовсе на крысу! Невероятно тонкие, сливающиеся один с другим волосы напоминали пасту, смазанную в каре. Огромный круглый лоб, как на картине средневекового художника. Нельзя было уловить: аристократичной породы его кровь или просто чудовищной.

Мне стало жутко от одного лишь факта существования этого страшного Эрика. И ещё более жутко оттого, что он вряд ли когда-нибудь снизойдёт до меня и заговорит на равных... Почему? На кой чёрт мне его признание?!

– Да ты что? – он отвечал одному из парней, но смотрел с прищуром прямо на меня.

Даже Рема сглотнула. Лид вообще ушла в тень позади нас с такой гримасой, будто её ошпарили пощёчиной.

А мне страшно, что он смотрит на меня даже не как на добычу – как на врага. Которого не нужно есть – только уничтожить. И, что ещё хуже, – унижить...

Если меня унижит при всех такой, как он, – да я сама вскрыюсь после этого! Можно предвидеть, что он сделает это самым гнусным образом, выставив меня мешком с гнилыми потрохами. А я с таким жить не намерена! Руки и горло начинают дрожать. Это значит, что я

загнана в угол, я на краю. И я готова драться! Терять, кроме достоинства, нечего. А это самое важное в жизни!

Но он не нападал. Просто смотрел.

Его взгляд был похож на кривые острые стрелы. Он без труда заходил в душу – в самые кишки – и шарился там, как у себя дома. Но при этом залезть в его глазёнки – да даже поймать их, ухватить и вытащить из себя – было невозможно.

– Мне нехорошо, – шепнула я Реме.

– Брось! Ты это из-за Котика?

– Я правда поеду!

Скорей домой!

Я вернулась вечером домой, сижу за своим письменным столом – и меня трясёт.

О чём я думала! Вечеринка со взрослыми незнакомыми парнями рядом с борделем – что я ожидала там увидеть? Постановку «Строптивой»? Это, пожалуй, вышло!

Но как теперь жить с мыслью, что ОН существует? Что такие люди рождаются, доживают до лет своего господства и спокойно разгуливают по нашим судьбам? Это всё равно что приехать просто так поглядеть на войну: ты знаешь, что она есть, но зачем это видеть, если не готов с этим жить?

Может, он не так плох – как и с виду отвратительный жених Катарины Петруччо? Нет, фу, что за мысли!

Дрянь, дрянь, дрянь!

Как теперь выбросить из головы воспоминания о том, как моё тело резали и вспарывали? Как мои кишки лизали изнутри? А Рема, а Лид? Они что, ничего этого не чувствуют? Боже, какой он противный! Трясёт и тошнит. Ну почему такие, как он, существуют? Так. Надо что-то сделать, верно? Что там втирают про сраную арт-терапию? Сейчас-сейчас. Вот я его нарисую – и он останется моим заложником на бумаге! Не такой уж страшный!

Его взгляд меня просто истерзал, изнасиловал – я всё ещё дёргалась от ощущения тысячи глубоких проколов во всём теле.

Мне было ещё хуже оттого, что он всем нравился. И что ему не нравлюсь я... Бред! Вот я нарисую его глаза – и станет легче. Демон не такой уж страшный.

Сон...

Ночь. Закрытая галерея. Зелёные стены. Одна из картин заставила меня обернуться и замереть: гигантская крыса разинула пасть прямо надо мной. Из пасти торчали лезвия бритвы. Вместо глаз у неё – огромные клыки. Я старалась тихонько пройти мимо. Полотно было в трещинах – я боялась, что от моих шорохов они ещё сильнее расползутся. Боялась окончательно «разбить» масляный слой, боялась, что крыса без труда выберется из треснувшего сосуда... Услышит меня – и прорвётся сквозь разбитую краску.

Первый октябрьский день

Сегодня такой серый алюминиевый воздух, что хочется нежиться дома в обнимку с какао и любоваться в окно. Макать в кружку мой второй подбородочек, как аппетитный маршмеллоу. Мурашки хотели прошмыгнуть незамеченными – от мыслишки, как бы сладко Лео его облизал... Аж мышцы сводит! О, нет! Даже мысли об этом слишком травмируют кожу. Я тороплю события: мечтать о поцелуях с Лео я пока не готова. Липко, пошло! Забудь-забудь!

Вечер осени. Небо похоже на серый жемчуг, а от габаритных огней так кружится голова, что кадр кажется запаздывающим. Октябрьские вечера похожи на бутылку из голубоватого стекла, набитую фольгой, чёрной бумагой и жёлтыми и красными гирляндами. И в этой бутылке, в океане времени гремит... Alice in Chains... «Bleed the Freak»!

Большой тёмно-бирюзовый город С., наверное, сейчас раскрылся, как кувшинка в полночь. Сейчас он особенно густой, и его изумрудный воздух такой плотный и водянистый, что невозможно дышать, как душно... Мне кажется, он ляжет чёрной могильной плитой на мою грудь. Но это будет через год.

Моя комната. Как же я люблю своё вельветово-маджентовое королевство! С размалёванной баллончиками стеной. Каждый из друзей, кто бывал у меня, оставил мне пожелание маркером. Я всё ещё узнаю в нижнем углу рисунок и подпись Лео... Обожаю мой бархатный фиолетовый диван с кучей самодельных заплаток! И мозаику из картонок и фантиков, на которых я рисовала сюжеты из своей жизни. Раньше я вела дневник с помощью рисунков – так что теперь одна из стен моей комнаты увешана комиксами о собственных тусовках и переживаниях.

Королевским замком выступает мой стол. С мощным ноутбуком, напичканным фаршем из недописанных кодов и музыки. С ворохом из сожжённых диодов, парой рабочих плат и браслетиком, сплетённым из неиспользованных резисторов. Да, я же, чёрт возьми, девочка.

Лео прислал сообщение с песней. Аж сердце ёкнуло.

Это «Lovesong» The Cure. Откуда он всегда точно знает, какую песню сделать саундтреком моей жизни в это время года? В этом октябрьском зеркале готик-рока 90-х и ещё более пыльного старья.

Хочу скорее понедельник. Увидеть его.

Воскресный сон

Коллапс Пульсара.

Я в глубине Галактики, но не лечу с бешеной скоростью, как обычно. Я замерла неподвижно и жду.

Передо мной во всей красе танцует Пульсар...

Яростно машет своими смертоносными щупальцами.

Жутко. И дьявольски красиво.

За долю секунды пульс замирает – и белая звезда коллапсирует с бешеной скоростью.

Я увидела гигантский взрыв. Роскошный, похожий на белоснежную хризантему. Лепестки её сначала медленно распускались, и края их окрасились в бледно-сиреневый. Цвет бесконечности.

Затем хризантема расцветала с бешеной скоростью, и из ядра её стал сочиться стремительный белый свет. Такого чистого и светлого я не видела в жизни – даже когда смотрела на сварку! Спустя мгновение он стал настолько ярким и пронзительным, что мне было дико больно смотреть на него дальше. А ещё через долю секунды – я ослепла. И от жгучей боли в глазах проснулась...

Весь день всё белое мне теперь кажется предательски поддельным и серым...

Больше нигде я не встречаю тот НАСТОЯЩИЙ БЕЛЫЙ свет. Даже когда тайком (в надежде!) снова пялилась на сварку в одном из гаражей...

Хочу жить в любом из моих снов. Или в мультиках Хаяо: «Замок» и «Призраки» – это тоже мои сны. Как и «Алиса в Зазеркалье» в пересказе Владимира Орла. Я люблю их так, что, кажется, готова за них умереть.

Снова мрак! Пустые тени от истины!

Я выбежала из кабинета и хлопнула дверью.

Конечно. Теперь я буду конченной несносной стервой, которая плюёт на всех и демонстративно творит что хочет?

Да?

Как же меня разрывает от такой не совместимой с жизнью несправедливостью! Мир, неужели ты действительно так погано устроен?!

В голове всё звенит: «Кристина, из-за таких безответственных, как ты, проигрывают войны». Этого не может быть, нет, нет, нет!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.